

АВТОРИТЕТНІ ВІДПОВІДІ НА АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ

до ювілейного випуску журналу «Політична економія»,
присвяченого 400-річчю політичної економії

1. Як Ви оцінюєте історичний шлях політичної економії? Які його уроки?
2. Охарактеризуйте, будь ласка, роль та місце сучасної політичної економії в системі економічних наук, у людському знанні та світогляді.
3. Які, на Вашу думку, найбільш значущі сучасні виклики політекономічній науці? В якій мірі рівень її розвитку відповідає зазначеним викликам?
4. Яка предметна та методологічна проблематика, на Ваш погляд, є найбільш актуальною? Що залишається поза увагою політекономів? Чому?
5. Як Ви оцінюєте стан наукового та освітнього потенціалу політекономічної спільноти? Чи має вона достатні можливості для забезпечення подальшого розвитку політичної економії, її викладання та популяризації?
6. Що очікує політичну економію в майбутньому?

В.Д. БАЗИЛЕВИЧ,
*член-кореспондент НАН України,
доктор економічних наук, професор,
декан економічного факультету
Київського національного університету
імені Тараса Шевченка*

Відповідь на питання №1. Політична економія у своїй генезі, утвердженні та подальшому довготривалому розвитку пройшла складний історичному шлях, часом не позбавлений внутрішньої суперечливості та навіть драматизму. Йдеться про шлях пошуку, набуття нею, послідовного всебічного розгортання та науково-практичної реалізації власного сутнісного змістовного наповнення, покликання та призначення.

«Політична економія» як поняття виникло набагато раніше (на рубежі XVI-XVII ст.) ніж власне політична економія сформувалась як нова наукова

галузь (друга половина XVII – XVIII ст.) і для неї утвердилась ця однойменна (само)назва (початок XIX ст.). Словосполучення «політична економія» вперше зустрічається у французькій меркантилістській літературі. Зважаючи на те величезне значення, яке у ній надавалося зв'язку між державою та економікою, воно, як відомо, було винесено у назву праці А. Монкретьєна «Трактат політичної економії» (1615). Пізніше це поняття почало набувати виразнішого, а згодом домінуючого економічного звучання та наповнення. Політична економія стала використовуватись для позначення економічного організму (Р. Кантільон, 1755), згодом – науки про економічну організацію суспільства (фізіократія – Ф. Кене), природу багатства, його відтворення, розподіл та використання (А. Сміт). З початку XIX ст. термін «політична економія» починає утверджуватися в працях наступників і послідовників А. Сміта в якості опредмеченої сутності нової економічної науки і виноситись у назви фундаментальних економічних праць: Дж. Стюарт (1767), Д. Рікардо (1817), Т. Мальтус (1820), Дж.С. Мілль (1848), К. Маркс (1859; 1867).

Упродовж XIX ст. *політична економія* утвердилась як синонім *економічної теорії (науки)*. Внаслідок цього навіть у 1870-90-х рр., в період маржинальної революції, яка стала прологом нової, альтернативної класичній, наукової парадигми – неокласики, термін «політична економія» продовжує використовуватись у назвах засадничих праць засновників маржиналізму – К. Менгера (1871), Л. Вальраса (1874), В. Парето (1897; 1900) та ін. Проте інертність у збереженні попередньої назви економічної науки лише маскувала початок диференціації її нових смислів. Рубіж XIX-XX ст., як час утвердження неокласики у варіанті, запропонованому Кембриджською школою (А. Маршалл), стає початком все більш активної дивергенції і назв, і смислів таких понять, як «політична економія» та «економічна наука». Їх синонімічне вживання на тривалий період, до початку 1990-х рр., зберігалось переважно в межах *марксистської наукової традиції*, зокрема радянської політичної економії.

Натомість у Західній економічній науці термін «політична економія» з 1960-х рр. відновлюється у двох нових незалежних дослідних програмах. По-перше, у розробках так званої *радикальної політичної економії* – гетеродоксальної течії, особливість якої полягає в критичному неомарксистському аналізі сучасної ринкової економіки та системних вад ринкової влади (П. Суїзі, Г. Шерман, Е. Хант). По-друге, паралельно з цим відбувається становлення *нової політичної економії* – галузі міждисциплінарних досліджень взаємодії політичної та економічної сфер суспільного розвитку, здійснюваних на методологічній основі теорії суспільного вибору (Дж. Б'юкенен, Г. Таллок, М. Олсон). Свій інтенсивний

розвиток та наукове визнання нова політична економія отримує на рубежі ХХ-ХХІ ст., чим обумовлено її включення як однойменної дисципліни у програми провідних університетів світу.

Отже, підсумовуючи тривалий історичний шлях «політичної економії», можна зробити висновок, що за час, що минув, її, так би мовити, науковий образ істотно змінився. Змінилися і методологічні фільтри його сприйняття розгалуженою та гетерогенно сегментованою науковою спільнотою. Осмислення на ґрунті сучасної філософії науки провідних закономірностей розвитку політичної економії як глобального історичного процесу дозволяє дійти висновку про наївність та безперспективність пошуку в сучасних умовах єдиного, моністичного трактування її сутності, змісту та об'єкт-предметної визначеності.

Уроки історії науки свідчать, що лише здатність дослідників прокладати свій курс між Сциллою обережного та разом з тим недогматичного використання наукового спадку видатних попередників і Харибдою наукових новацій є запорукою плідного розвитку політичної економії науки сучасності.

Відповідь на питання №2. Важливо усвідомлювати, що політична економія сформувалась як перша історична форма розвитку наукового економіко-теоретичного знання. Як перша наукова парадигма утвердилась *класична політична економія* (XVII–XIX ст.), цілком природно увібравши у себе домінуючі цивілізаційні ознаки науки Нового часу. Визначальними рисами властивого їй класичного типу наукової раціональності стали есенціалізм, об'єктність, фундаменталізм і субстанціональність, доказовість та прагнення безпосередньої емпіричної перевірюваності наукового знання. Наукова аналітичність політичної економії підтримувалась та реалізувалась низкою провідних загальнонаукових методів, вперше розгорнутих у площині встановлення стійких причинно-наслідкових зв'язків соціально-економічного буття суспільства, його життєдіяльності та розвитку.

Теоретичною заслугою політичної економії стало те, що вона поступово набувала виразної глибини та вагомості суспільної науки. Так, у працях пізнього класика Дж.С. Мілля, підкреслювалась моральна і соціальна природа політичної економії, а у творах К. Маркса було особливо акцентовано значимість дослідження соціально-економічних (виробничих) відносин між людьми у базових сферах суспільного відтворення, виявлення їх внутрішньої суперечливості та історично-перехідного характеру.

Праці учених-економістів ХІХ-ХХ ст. підняли політичну економію на рівень *світоглядної та загальнометодологічної основи* для низки традиційних та новостворених галузевих економічних дисциплін.

Проте зважений історико-методологічний аналіз доводить, що в умовах постмодерну ХХІ ст. політична економія неодмінно набуватиме якісно нових онтологічних, гносеологічних та методологічних рис, властивих постнекласичному типу наукової раціональності. Зокрема, таких як нелінійність, системність, антропоцентризм, методологічний плюралізм, орієнтація на посилення соціально-гуманістичних ціннісних підвалин дослідження тощо.

Відповідь на питання №3. Поглянемо на розвиток світової економіки початку ХХІ ст. з онтологічної точки зору – як на об'єкт сучасних політекономічних досліджень. На наше глибоке переконання, цей розвиток ознаменований потужним впливом комплексу якісно нових чинників, до найвагоміших з яких можна віднести наступні: надзвичайна динамізація економічних процесів; становлення нового гео економічного простору; ускладнююче переплетення множини екзогенних та ендегенних детермінант глобалізованої економіки; посилення глибини та непередбачуваності глобальних економічних та соціальних потрясінь; реалізація на цьому тлі фундаментальних соціально-економічних трансформацій тощо.

Без жодного перебільшення можна констатувати, що значені чинники стали викликом вітчизняній та світовій економічній науці, яка не встигає за сучасним високодинамічним розвитком в осмисленні новітніх процесів та явищ в системі усталених категорій та понять. Кризові явища та потрясіння, що відбуваються за життя одного покоління, виявили суперечливість, неповноту і неадекватність базових економічних концепцій та моделей. На цьому тлі загострюється потреба в теоретичному осмисленні нових реалій, ревізії та модернізації традиційного методологічного і понятійного апарату політичної економії. Наприклад, глобальна фінансово-економічна криза початку ХХІ ст. наочно продемонструвала зростаючу світ-системну єдність, виявила недостатність наших знань щодо циклів еволюційного структурування світової господарської системи.

Відсутність у науковому дискурсі згоди щодо концептуалізації змін надзвичайно високої швидкості, інтенсивності та напруги, необхідність розробки світоглядних орієнтирів цивілізаційного поступу, переорієнтації на гуманістичні виміри пізнавальної та практичної діяльності людства вимагають нового рівня узагальнень та неортодоксальних наукових підходів у осмисленні мегатрендів сучасного економічного розвитку. Сьогодні, як ніколи раніше, не слід забувати пророчі слова Дж.М. Кейнса про те, що економічна наука є швидше не доктриною, а методом, апаратом і технікою мислення, які допомагають тому, хто володіє ними, дійти вірних висновків.

Відповідь на питання №4. Замислюючись над предметною та методологічною проблематикою сучасних політекономічних досліджень, хотілося б зазначити актуалізацію наукового пізнання наступних визначальних мегатрендів сучасного економічного розвитку, як: *глобалізація*, пов'язана з епохальними змінами, що розгортаються у напрямі адаптації провідних економік світу до кардинальних природно-ресурсних, демографічних та технологічних зрушень в історії людства; *фінансіалізація*, яка відображає кардинальні зрушення у структурі сучасної світової економіки, пов'язані з гіпертрофованим домінуванням фінансового сектору; *інформатизація*, *інтелектуалізація* та *«віртуалізація»* найважливіших компонентів інформаційної економіки, які посилюють роль та значення суб'єктивного фактора, породжують не лише нові можливості, але й серйозні загрози для подальшого соціально-економічного розвитку; *соціалізація*, пов'язана з підпорядкуванням економічних процесів інтересам розвитку людини та суспільства в цілому.

Разом з тим, на наш погляд, не можна не помічати, що поки що наявний категоріально-аналітичний апарат достатньою мірою не «вловлює», а тому ще не перетворює на ключові категорії політекономічних досліджень такі найважливіші характеристики основних чинників, взаємозв'язків та векторів сучасного соціально-економічного розвитку, як їх складність, гетерогенність, волатильність, невизначеність та нелінійність. Також актуальним напрямом політекономічних досліджень залишається об'єкт-предметне сприйняття та теоретичне відображення економіки як складної відкритої системи, далекої від рівноваги. З огляду подальшої наукової перспективи, реалізація зазначених завдань сформує колосальний потенціал для нових конструктивних ідей та дослідних підходів.

Відповідь на питання №5. Не можна не визнати реальної затребуваності у сучасному світі політичної економії з її унікальними предметно-теоретичними та методологічними можливостями. Проте наявний стан наукового та освітнього потенціалу вітчизняної політекономічної спільноти ще потребує свого належного поглибленого осмислення. Слід визнати, що в свій час суттєво дали себе взнаки такі об'єктивні ускладнюючі фактори пострадянської інтелектуальної історії ХХ ст., як догматизація та кризовий стан радянської політичної економії, послаблення на цій основі духовної спадкоємності ряду поколінь економістів-теоретиків, що породило проблему протистояння між їх ціннісними орієнтирами тощо.

На наше глибоке переконання, сьогодні найоптимальніші можливості для забезпечення спадкоємного відтворення та подальшого розвитку наукових основ творчої політичної економії, її викладання та популяризації складаються

передусім у вітчизняних класичних університетах, які організаційно та функціонально є потужними науково-освітніми та інноваційно-дослідними центрами, здатними органічно поєднувати педагогічну та науково-дослідну діяльність, формувати і розвивати багаторівневу науково-освітню спільноту, розвивати мережу фахових наукових шкіл і на цій основі органічно відтворювати наукову співпрацю та зміну поколінь.

Відповідь на питання №6. Оцінюючи перспективи політичної економії як конкуруючої дослідної програми у плюралістичному науковому просторі, а також формуючи зважені очікування щодо її подальшого розвитку, не можна не усвідомлювати, що її реальні конкурентні переваги значною мірою залежатимуть від здатності уникати шаблонів, долати інертність і застій наукового мислення, розвивати наявні аналітичні можливості, нарешті, модернізувати традиційні науково-дослідні підходи в усвідомленні мегатрендів сучасного економічного світу.

За умов, коли зростає крихкість глобалізованої економіки, а людство наштовхується на гостру ресурсну обмеженість, коли посилюється соціальна нерівність та зростає соціальна напруга, актуалізується пошук нових критеріїв соціально-економічного розвитку і суспільного прогресу з урахуванням його гуманістичної та екологічної складових. Отже вкотре хотілося б наголосити, що пошук нетрадиційних рішень на основі нових засадничих ідей повинен відбуватися також і в міждисциплінарних площинах, там де економічна наука межує з іншими суспільними та природничими науками. Тому подальший розвиток економічних досліджень означає посилення та пожвавлення традиційних і нових міждисциплінарних зв'язків.

Зрозуміло, що усе вищезазначене ставить перед політичною економією як стратегією наукового пізнання непрості завдання теоретико-методологічного вдосконалення та оновлення з метою отримання адекватних науково-практичних відповідей на зростаючі глобальні виклики сучасності.

В.К. ЛЕБЕДЄВА,
*кандидат економічних наук, доцент,
професор кафедри політичної економії
Національної металургійної академії України
(м. Дніпропетровськ)*

Відповідь на питання №1. Історичний шлях політичної економії відображає історичний шлях самої економічної дійсності. Саме зміна економічних реалій унеможлиблює створення однієї економічної доктрини на всі часи. Політична економія розвивалася та розвивається разом з економічним життям, осмислюючи його нові процеси та явища, намагаючись надати певне передбачення майбутнього та рекомендації щодо практики використання виявлених нею законів та закономірностей.

Історичний шлях політичної економії несе в собі протиріччя історичного шляху розвитку людства та все ж в загальному плані має ознаки прогресу, як і самий розвиток людської спільноти.

Уроки цього шляху, на мій погляд, пов'язані передусім з тим, що в своїх пошуках та дослідженнях політична економія як наука має спиратися на критерії істини та гуманізму. У тих випадках, коли економічні концепції відходили від цих критеріїв і носили апологетичний характер на користь інтересів окремих соціальних груп, політична економія, на жаль треба визнати, гальмувала науково-технічний та соціально-економічний прогрес.

Відповідь на питання №2. Роль сучасної політичної економії в системі економічних наук, у людському знанні та світогляді дуже велика. Французький письменник Жорж Сіменон якось виказав думку, що настануть часи, коли політекономія стане у голові всіх наук. Важко зараз пояснити, чим була викликана така думка майстра детективу, але вона відображає ті надії, які покладало суспільство на політичну економію у його час. На сьогодні, політекономія ще не стала у голові всіх наук, але від того, які проблеми вона становить і як їх вирішує, залежить доля мільйонів людей у світі. Можливо, це не усіма усвідомлюється, але перефразуючи відомий афоризм, можна сказати: «Якщо ви не хочете займатися політекономією, то політекономія все одно буде займатися вами». Краще мати певну підготовку, щоб ця взаємодія мала успіх.

Відповідь на питання №3. Найбільш значущими сучасними викликами політекономічній науці є війни, економічні кризи, зростаюче безробіття, бідність значної частини людства. Може здатися, що деякі з цих викликів

мають чисто політичний характер, але політика є не що інше, як концентроване вираження економіки. Недосконалість сучасних відносин власності, ринкового механізму, варварські засоби конкурентної боротьби, невідповідні заходи економічної політики вже зараз породжують драматичні події та наближають людство до небезпечної межі.

На жаль, рівень розвитку сучасної політекономії в недостатній мірі відповідає зазначеним викликам. Це пояснюється не відсутністю необхідного творчого потенціалу науки, а монопольному домінуванню неокласичних доктрин, не здатних відповісти на ці виклики. Згадаємо протести студентів Гарвардського університету проти викладання «Макроекономіки», ідеї та моделі якої далекі від економічних реалій сучасного світу.

Відповідь на питання №4. Найбільш актуальною, на мій погляд, стає проблематика зрушення досліджень з відомих постулатів економічної теорії розподілу праці до пошуку нових позицій з огляду на економічну теорію переміни діяльності. Приватна власність та товарне виробництво є соціально-економічними наслідками суспільного розподілу праці. Все більше поширення тенденцій переміни діяльності ставлять проблеми дослідження її соціально-економічних наслідків, у тому числі, в контексті трансформації відносин власності та економічних форм господарювання. Ці дослідження мають враховувати новий рівень продуктивних сил, пов'язаний з автоматизацією виробництва і новими інформаційно-комунікативними системами.

Ця проблематика залишається поза увагою політекономії, тому що домінуюча неокласична доктрина виходить із економічних реалій минулого і не має ефективних методологічних засобів для вирішення нових проблем.

Відповідь на питання №5. Науковий та освітній потенціал політекономічної спільноти є досить вагомим. Вона має достатні можливості для забезпечення подальшого розвитку політичної економії, її викладання та популяризації. Але для того, щоб цей потенціал актуалізувався, необхідно вийти із кола традиційного мислення, заданого неокласичною економічною доктриною.

Викликає занепокоєність державна політика у сфері економічної освіти, яка звужує коло економічних знань для спеціалістів різних галузей господарства тоді, як треба його розширювати, щоб забезпечити прийняття ефективних рішень на всіх рівнях економіки.

Відповідь на питання №6. В майбутньому, на мій погляд, збудеться передбачення Жоржа Сіменона у тому сенсі, що люди оволодіють власними виробничими відносинами, а не будуть підпорядковані ним, як це має місце зараз. На зміну пріоритетам економічного багатства прийдуть пріоритети багатства людини, яка самоздійснюється у всіх своїх дійсно людських проявах і

має багаті потреби свого розвитку і самореалізації у суспільстві. Це дійсно станеться на тлі всебічного задоволення утилітарних економічних потреб на тому раціональному рівні, який сприятиме значному подовженню людського життя та підвищенню його якості.

Ю.Є. ПЕТРУНЯ,
*доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри
менеджменту зовнішньоекономічної діяльності
Університету митної справи та фінансів
(м. Дніпропетровськ)*

Відповідь на питання №1. Як цікавий та повчальний. Чимало її представників стали дійсно історичними постатями. Економісти допомогли людям, управлінцям, державним діячам краще зрозуміти механізми економічного життя, його закони. Це дуже важливо, це має велику практичну користь. Одночасно треба розуміти «гнучкість» економічних законів, «рухливість» економічного життя. Це ускладнює роботу економістів-дослідників, породжує дискусії та помилки. Але саме таким чином відбувається поступальний рух політичної економії (класична назва) або економічної науки (більш поширена сучасна назва).

Відповідь на питання №2. «Політична економія» як назва економічної думки домінувала в світі до кінця XIX сторіччя. Потім вона фактично трансформувалася в «економічну науку». Не всі економісти погоджуються бачити в «економічній науці» просте « правонаступництво» щодо «політичної економії». Наприклад, окремі західні економісти асоціюють «політичну економію» з тією частиною економічної науки, яка зосереджується на поясненні політичних факторів економічної політики держави, на рекомендаціях державним інститутам та суспільству. Такий науковий акцент непогано поєднується з етимологічним значенням терміну «політична економія». Ряд українських економістів схильні розглядати «політичну економію» як своєрідний «глибинний пласт», теоретико-методологічний фундамент сучасної науки про економічне життя суспільства.

Тобто існують певні розбіжності в баченні. Мені здається, що турбуватися потрібно не стільки з приводу їх існування, скільки з приводу загального питання якості наукових досліджень економічного життя, насамперед в Україні. Питання якості – це питання глибини, доведеності

досліджень та їх практичної цінності. Остання в тому числі передбачає усвідомлення особливостей того чи іншого етапу соціально-економічного руху країни, пріоритетних практичних питань.

Відповідь на питання №3. Виклики існують постійно. Чим менше стабільності в країні – економічної та іншої, – тим більші ризики. Можливо для українських економістів було б непоганим дещо уважніше підійти до того, що прийнято називати «практичною функцією» науки. Для цього потрібне відновлення «союзу» з господарськими суб'єктами, державними та регіональними економічними регуляторами. Дослідники повинні мати достатній доступ до первинної статистичної та аналітичної інформації, бачити її достатньо розгалуженою та в динаміці. Цей доступ сам по собі не виникне, потрібні певні заходи на рівні держави та регіонів, а також відповідна зацікавленість суб'єктів господарювання. Напевно, одна з вирішальних умов появи останньої – необхідність ведення чесної конкуренції в економіці. Чесна, напружена конкуренція формує попит на «розумні голови», її відсутність формує попит на інших людей. «Рівень розвитку економічної науки», на мій погляд, досить гнучка, як це не дивно звучить, річ. Наявність необхідного середовища для економічних досліджень обов'язково обернеться знаходженням людей, здатних якісно їх провести.

Відповідь на питання №4. Мені здається для економічних досліджень важко проводити межу актуальних та неактуальних проблем. В медицині з точки зору, наприклад, критичності загроз для життя можна виділяти особливо важливі питання та менш важливі. В економіці актуальність напевно можна вимірювати практичною гостротою тієї чи іншої проблеми на сьогоднішній (поточний) час. Але вже завтра пріоритети «гостроти» можуть змінитися. Мені здається, що найбільше значення для економічної спільноти в цілому має не стільки орієнтація на «рівень актуальності», скільки на рівень якості досліджень. «Гострі поточні проблеми» - то, скоріше за все, поле діяльності прикладних наукових інститутів та відповідних підрозділів уряду. «Швидка допомога» - напевно, їх парафія насамперед. В цілому ж, мені здається важливою багаторічною проблемою України є якість державного регулювання економіки.

Відповідь на питання №5. Треба виходити з того, що в Україні з різних причин наука перебуває далеко не в найкращому стані. Це повною мірою стосується й економічної науки. Однаково в складному стані знаходиться як вузівська економічна наука, так і академічна. Поки що важко побачити перспективи необхідних організаційних та фінансових змін в цих секторах. Більшою мірою економічна наука, насамперед вузівська, тримається на окремих постатях.

Відповідь на питання №6. Для прогресу суспільства потрібно його функціонування як збалансованої системи. Потрібна «точна настройка» суспільної системи та її постійна підтримка на розвиток. Досвід України вказує на вирішальне значення в цьому питанні політичної еліти та відповідно державних інститутів. Саме їх здатність функціонувати ефективно, чесно, соціально, під реальним суспільним контролем є ключовим моментом. Здається Україні дуже важко дається рішення цієї проблеми. Економічній науці важко бути ефективною, практично корисною при загальній «проблемній» побудові суспільного організму. Економічні знання будуть потрібні завжди, вони необхідний елемент прогресу суспільства. Але «продуктивність» економічної науки залежить від того середовища, в якому вона знаходиться.

Ю.Ю. ТУНИЦЯ,
*академік НАН України,
доктор економічних наук, професор,
ректор Національного лісотехнічного університету
України*

Я.В. КУЛЬЧИЦЬКИЙ,
*доктор економічних наук, доцент, доцент кафедри
економічної теорії Національного лісотехнічного
університету України*

Л.В. РІБУН,
*кандидат економічних наук, доцент,
завідувач кафедри економічної теорії Національного
лісотехнічного університету України*

Відповідь на питання №1. Політична економія пройшла тривалий, складний, часто суперечливий шлях свого становлення і розвитку. Будучи спершу складовою частиною єдиного світоглядного знання, вона внаслідок поглиблення суспільного поділу праці та диференціації науки поступово виокремлюється у самодостатню сферу пізнання суспільно-економічних явищ і процесів, формуючи при цьому об'єкт, предмет та інструментарій своїх досліджень. Серед важливіших уроків історичного шляху політичної економії

варто відзначити інколи надмірне теоретизування, яке призводило до її дистанціювання чи навіть відриву від реальної суспільної практики та надмірну ідеологізацію на догоду пануючим у той чи інший час політичним силам, коли наука змушена була фактично «обслуговувати», виправдовувати конкретні дії різних тоталітарних режимів. Усе це деформувало основний принцип політико-економічної науки – об'єктивність аналізу та відповідно пропозицій щодо удосконалення економічного буття суспільства.

Відповідь на питання №2. Сучасна політична економія відіграє визначальну роль та посідає чільне місце у системі економічних наук. Зокрема, вона є теоретико-методологічним фундаментом для всіх прикладних економічних наук, розробляючи для них базовий поняттєво-категорійний апарат і розкриваючи тенденції, закономірності та об'єктивні закони розвитку економічної системи суспільства у нинішніх умовах посилення екологізаційних та глобалізаційних процесів. Крім того, політична економія виконує ще й значну світоглядну, виховну функцію, що виявляється у формуванні сучасної економічної свідомості, культури і відповідальності у контексті утвердження концепції сталого розвитку.

Відповідь на питання №3-4. Найбільш значущими сучасними викликами політекономічній науці є необхідність максимального врахування і глибокого дослідження об'єктивних процесів екологізації та глобалізації економічних систем, становлення екологічно безпечної та збалансованої («зеленої») економіки. Нинішній рівень розвитку політичної економії не дає можливості усебічно розкрити згадані виклики, що негативно позначається на її узагальненнях, рекомендаціях та самому поняттєво-категорійному апараті.

Тому одним з найважливіших об'єктів дослідження у сучасній політичній економії, внутрішньою складовою її предмета і методу повинен стати екологічний імператив.

Впродовж усієї історії економічної думки і практики господарювання виробнича діяльність людини суттєво відхилялася і досі відхиляється від законів природи. Прагнучи задовольняти свої необмежені потреби в умовах обмеженості природних ресурсів і природного життєвого довкілля, людина, створивши собі внаслідок технічного прогресу ілюзію незалежності від природи і водночас залишаючись частиною природи, забула, що першоосновою і першоджерелом існування життя та виробничої діяльності є сама природа. Ігнорування цього незаперечного постулату є, на нашу думку, одним із істотних недоліків економічної теорії та господарської практики. Саме тому екологізація економіки, тобто узгодження способу господарювання із законами природи, є необхідним, хоча і вкрай складним та суперечливим процесом,

кінцевою метою якого повинно стати реформування економічної системи у відповідності з екологічним імперативом.

Згаданому колу проблем, на жаль, приділяється ще недостатня увага насамперед внаслідок живучості стереотипів антропоцентристської системи цінностей, виключно економічної доцільності, економічного прагматизму, недооцінки належної турботи про довкілля та його збереження для прийдешніх поколінь.

Відповідь на питання №5. Стан наукового та освітнього потенціалу політекономічної спільноти за умови усвідомлення нею викликів XXI ст. можна оцінити досить оптимістично. Вважаємо, що вона має достатні можливості для забезпечення подальшого розвитку політичної економії, її викладання та популяризації. Для цього необхідні належна критична самооцінка та відповідна самоосвіта, підвищення кваліфікації науково-педагогічних кадрів, оволодіння ними сучасним теоретико-методологічним арсеналом світової політико-економічної науки, пошуків обміну передовими ідеями у професійному середовищі як всередині країни, так і з колегами з-за кордону.

Відповідь на питання №6. Переконані, що політичну економію в майбутньому очікує своєрідний ренесанс, коли вона знову буде виконувати роль «науки наук», своєрідного ядра у системі економічних наук, активно впливати на формування сучасної економічної, екологічної та політичної культури, давати своєчасні, об'єктивні й вичерпні відповіді на виклики сьогодення, проблеми організації та ефективності виробництва, розподілу і перерозподілу доходів, соціальної справедливості, формування інформаційного (постіндустріального), «знаннєвого» суспільства та екологічно безпечної, збалансованої («зеленої») економіки як передумови його сталого розвитку.

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО,
доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри теоретичної та
інституціональної економіки Білоруського
державного університету (м. Мінськ)

Ответ на вопрос №1. Если обратиться к истории социально-экономического развития, то без преувеличения можно заметить, что старт, динамику современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами заложила политэкономия. Ее эволюция шла в

контексте решения практических проблем периода меркантилизма, эпохи земледельческого уклада и, таким образом, физиократов, получившей приоритет в последующем промышленной стадии и доминирующих в этой сфере различных форм производительного капитала.

Если классическая политэкономия под влиянием научно-естественного сциентизма той эпохи априори заложили полную, хотя и не прописанную заранее рациональность мышления, предполагая при этом по преимуществу все же оптимальный конструктивизм державного (!), даже не государственного, а именно национального интереса, то неоклассики осознанно заложили в свою исследовательскую парадигму такие предпосылки как полнота информации индивида о рынке, узкий корыстный материально-денежный интерес, универсальные счетно-аналитические способности «экономического человека», нулевые трансакционные издержки рынка. И если рациональность классической политэкономии базировались на необходимости познания и признания объективных экономических законов, о которых ранее внятного суждения даже не было, то неоклассика закладывает в исследовательский процесс субъективистский индивидуализм, распространив мотивы и признаки его поведения на коллективы, на все общество. Доминирующая познавательно-эвристическая функция науки политэкономии сменяется узким позитивистско-прагматическим значением исследовательского процесса с соответствующими финансово-денежными категориями. Стадия обмена из всего воспроизводственного процесса специализирующимся научным сообществом выделяется как основная и, таким образом, понятие «рынка» отождествляется явно или не явно с понятием «экономика». Известные субъективистско-индивидуалистические предпосылки с узкой утилитарно-экономической рациональностью выдвигаются в качестве базовых аксиом в парадигме исследования. Но все-таки целое не есть механическая сумма частного, а мышление и поведение даже большой группы индивидов, руководствующихся своими узкоутилитарными стратегиями, еще вовсе не обеспечит общего благосостояния и целостности. Тот же П. Кругман пишет: «...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих»¹.

Один из основных выводов истории кризисов, которая есть не что иное, как история экономики в целом и, естественно, «сопровождающих их теорий» заключается в том, что и сегодня требуется *новый целостный взгляд на современное мироустройство (!)*, его эволюцию хозяйственных отношений, их

¹ Кругман П. Великая ложь / П. Кругман. – М.: АСТ, 2004. –С. 458.

форм, подобный тому, который был зафиксирован классической политэкономией.

Во-первых, именно в исследовании системы объективных экономических законов и отношений человеческого общения (производства, распределения, обмена и потребления) оформился предмет экономики как науки в ее классический интерпретации, предложив практике ее адекватный хозяйственно-политический образ, практичную и перспективную модель эволюции. Во-вторых, политэкономия позволила (и она в этом плане незаменима) определить стратегию и динамику политэкономического и социокультурного развития. В-третьих, предметная определенность, методология, категориальный аппарат позволил выявить потенциал, движущие силы складывающегося способа производства, эпохи с указанием ограниченности и перспективности одних экономических форм по сравнению с другими. В-четвертых, зафиксировать «несущую конструкцию» или основу общественно-экономического устройства как органическую составляющую определенного технологического способа производства, общественного уклада, экономической и морально-этической нормы поведения, политико-правового механизма координации и защиты интересов индивидов, их собственности. В-пятых, на основе складывающихся тенденций в траектории институциональных изменений определить прогноз возможных противоречий развития с выявлением соответствующих форм их разрешения. Наконец, политэкономия дает методологическую и инструментальную основу для анализа другим более конкретным экономическим дисциплинам. В начале 20 века под влиянием специализации экономических дисциплин политэкономия распадается на ряд более частных наук: собственно экономику (экономикс), политологию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике. Единая методологическая основа или, иначе говоря, единый взгляд на политико-экономическое устройство и развитие были разрушены. А отдельные калейдоскопичные фрагменты отдельных частных дисциплин не могут воссоздать целое. Возник дефект знания подобный дефекту массы в физике. Смысл его в том, что частные знания отдельных экономических и других специализированных научных дисциплин не дают все-таки целостной синкретичной картины современной мир-экономики. А это сегодня принципиальный вопрос: каково направление, стратегия и основные хозяйственные формы развития современной мирохозяйственной системы, как в ней находят свое место национальные хозяйственные единицы с рамками тех полномочий и функциональных особенностей, которые отведены им международными организациями. Произошел структурный сдвиг: международные производственные отношения и институты из вторичных, что

было в 17-начале 20 вв., перешли в разряд вторичных, производных. Это тот экономический, а точнее политэкономический закон, который надо признать и действовать в соответствии с этой объективной реальностью. Если кто сомневается, то пусть хотя бы попробует выехать за пределы своей страны со своей национальной валютой.

Ответ на вопрос №2. Все-таки надо понимать, что политэкономия, если отвлечься от многих других ее важных аспектах и свойствах, все-таки есть наука о системе интересов. Она явилась продуктом социального заказа прежде всего капитала. Основные теоретические контуры в рамках архитектоники капитала она достойно выполнила на своей классической стадии. Это классическая стадия науки в целом. Но что-то (!?), как-то (!?), кто-то (!?) выдвинул и поддержал К. Маркса – подготовленного юриста, мужика трудолюбивого, честного, хорошего, талантливое и, бесспорно, гениального. Но он раскрыл, следуя гегельянской традиции, существо и основные противоречивые тенденции развития капитала и его границы, предел. Конечно, потребовалось немало усилий, чтобы, с одной стороны, уйти практике от этих весьма противоречивых тенденций. И поэтому пусть критики Маркса не тешат себя иллюзиями о якобы неудавшемся его прогнозе – просто мир предпринял энергичные действия, чтобы избежать хотя бы части предсказанного. Что-то получилось, а чего-то и не удалось избежать обществу, где правил капитал с его принципами, нормами и институтами... Во-вторых, научное и околонуучное сообщество – тоже люди с их житейскими интересами и мотивами. Их мастерство убеждения и аргументации прямо пропорционально величине гонорара за заранее оговоренные результаты. «Науку часто сравнивают с поиском истины, где истина – нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но я рассматриваю науку больше как поиск *понимания*, где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей – между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями»².

В начале 20 века под влиянием естественной специализации политэкономия распадается на ряд более частных наук: собственно экономику, политологию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике. Политэкономия ушла как бы на задний план в системе наук и в образовательной среде. Единая методологическая основа или, иначе говоря, единый взгляд на политико-экономическое устройство и развитие были разрушены. Если и была какая-то связь в последующем между различными дисциплинами, то она сохранялась и где-то сохраняется сейчас

² Ауманн Р. О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта: пер. с англ., 2-е изд. - М., 2010. – С. 454.

вопреки складывающимся тенденциям в науке и благодаря лишь усилиям отдельных авторов, не лишенных академического любопытства черпать информацию из других научных дисциплин. Очередная дискуссия о предметно-методологической определенности науки об экономике завершилось по существу признанием в той или иной интерпретации определение предмета, данного в 1936 году Л. Роббинсоном и которое тиражируется в известных учебных пособиях.

Следует согласиться с оценкой У. Баумоля, который в статье «Вклад XX столетия в экономическую теорию» писал: «...Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований...»³. Оставляя за пределами внимания частные вопросы экономики, к которым обращалось и обращается мейнстрим теории, обратимся к вопросу, а *каково же сегодня состояние политэкономии*. В «Кембриджской энциклопедии» указывается, что «политическая экономия» – это название, которое было дано экономике в конце XVIII в. – начале XIX в. В нынешнем столетии это понятие не получило широкого распространения ... поскольку спектр проблем, изучаемых экономикой сегодня, гораздо шире, он включает в себя значительно больше вопросов, чем состояние национальных экономических систем и роль правительства в экономической жизни»⁴. В «Новом кратком оксфордском словаре английского языка» политическая экономия определяется как «одно из направлений экономики, предметом изучения которого является экономические проблемы правительства»⁵.

Однако анализ проблем, методологических подходов и других свойств современной экономической науки позволяет выделить несколько *направлений именно политической экономии*, которые позволяют заключить, что данная дисциплина скорее живое ищущее творчество, чем мертвая история. Но именно изучение этого творчества может дать старт для правильного понимания не только современной социально-экономической системы, но определиться в оценках прошлого экономической истории.

Прежде всего, хорошим примером является возрождение в 60-е годы политэкономии в классических традициях. Распределение доходов, проблема власти, монополистического и транснационального капитала – центральные проблемы этого направления политэкономии⁶.

³ Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию / У. Баумоль // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 80, 98.

⁴ Crystal D. Cambridge Encyclopedia / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 982.

⁵ Brown L. New shorter Oxford English Dictionary / L. Brown. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – P. 782.

⁶ Arndt Y.W. Political economy / Y.W. Arndt // Economic Record. – 1984. – Vol. 60. – P. 266-273; Lindbeck A. The political economy of the new left / A. Lindbeck. – New York: Harper and Row, 1977. – P. 17.

Многие направления исследований, которые сегодня рассматриваются как междисциплинарные, Смит, Милль или Маркс отнесли бы исключительно к области политической экономии. Дж. Альт и А. Алесина рассматривают политическую экономию как область знания, выходящие за пределы экономики. Они характеризуют современную политическую экономию как отрасль социальных наук, стремящуюся к более широкому осмыслению экономических проблем, чем это делается в рамках основных направлений. Эта дисциплина рассматривает институты скорее как эндогенные феномены, применяя междисциплинарные методы исследования, теорию игр, сближая макроэкономику с политикой, правом, историей, социологией, экологией, этикой. Размер дохода и богатства в данном контексте рассматривается как функция от формируемых институтов: это $y = f(I_1, I_2 \dots I_n), I_n$. Где I_1, \dots, I_n – это институциональные изменения. Если еще два десятка лет некоторые проблемы получали лишь свою формулировку, то сегодня ряд из них уже получил свое некоторое теоретическое и практическое разрешение. Например, это относится к исследованиям межпартийной борьбы Э. Даунса и теории У. Райкера о формировании правительственных коалиций, описывающих роль распределительной политики при формировании правительств.

К числу крупнейших достижений политэкономии XX в. относятся теорема невозможности К. Эрроу и доказательство произвольности совокупных правил социального выбора, которые плохо согласуются с либерально-демократическими мифами о «воле народа». Среди важнейших достижений следует отметить модель бюрократии, монополюно регулирующей информационные услуги (У. Нисканен), Г. Миллер, Т. Мо), теорию политических циклов деловой активности (У. Нордхаус, Д. Гиббс), влияющей на экономические результаты.

Особое значение и серьезную прикладную проработку занимает проблема формирования и распределения бюджета, имеющая свои частные ответвления: теория сглаживания налогов, концепция перераспределения государственного долга между поколениями, модель политического конфликта и исследования по институциональному отбору, зависящему от использования бюджетных средств, которыми распоряжается избранное демократическим путем правительство или законодатели.

Буквально во все разделы экономической науки проникла идея Р. Коуза о трансакционных издержках. Сама постановка вопроса об их положительной величине в условиях разделения труда и обмена, а также гипотеза о необходимости спецификации прав собственности, на наш взгляд, является типично политико-экономическим достижением на новом уровне теоретического осмысления рыночного хозяйства.

«Политическая экономия голода» А. Сена и Й. Дрейзе не только опровергает Парето-оптимальность, но и институциональными отличиями (средой, политикой, законами распределения) объясняет причину 20% мировой бедности и нищеты, с чем уже нельзя не считаться.

Новое направление развития экономической науки сегодня формируется в рамках ЦОН МГУ (Ю.М. Осипов, теория хозяйства), несомненно, дающее прирост знания, методологии, инструментария, но, по-нашему мнению, не попадающее ни в один из существующих ее разделов, что затрудняет ее понимание и популяризацию.

Новый старт, второе дыхание развития политэкономии закладывают Московские экономические форумы, политэкономические конгрессы, которые иницируются добросовестными учеными, которые понимают роль и значение денег в современном обществе, но которые не принимают тех нарастающих негативных тенденций и несправедливостей. Например, Т. Пикетти, которого называют новым Марксом в своей книге «Капитал в 21 веке», но который сказал, что этого автора даже не читал, эти негативные тенденции и несправедливости довольно убедительно и эмоционально описал. Признание Пикетти в незнании марксистского тракта делает работу ставшего популярным французского ученого еще более значимой, а «Капитал» как фундаментальный труд, выдержавший испытание временем: две разные логические концепции приходят, по существу, к одинаковым выводам.

Ответ на вопрос №3. Есть разные названия, которые сегодня предлагаются для этой научной дисциплины: от геоэкономики до неополитэкономии. В нашей версии понимания она получает название – «теоретическая экономика». Как будет – жизнь покажет, поскольку может прижиться и другое наиболее популярное название науки. Но в любом случае последняя фиксирует другой уровень развития политической экономики, как интегральной идеальной конструкции, отражающей широкий, но обобщающий спектр современных технологических, правовых, социально-экономических процессов, нравственно-этических и культурологических тенденций. В ней стоимость и ценность, как базовые категории классической политэкономии и неоклассической теории, интегрируются в категорию «институциональная ценность». Именно последняя является тем общественным нормативом, подобный стоимости или ценности, который уже регламентирует поведение людей в «новой экономике». Поэтому наш тезис – не назад к политэкономии, а вперед к новой политэкономии, если использовать традиционную терминологию, как обобщающей науке о современной мирохозяйственной политико-экономической системе. Для этого есть как онтологические, так и гносеологические предпосылки.

Можно выделить следующий круг проблем для обсуждения, которые в настоящее время представляются наиболее важными и актуальными, пригласив к спокойному и взвешенному научному поиску конструктивных подходов и к их теоретическому решению:

Политическая экономия: фундаментальные проблемы и новые идеи теории.

Новая политэкономия как наука.

Философско-методологические и теоретико-инструментальные возможности современной политэкономии.

Глобальная политэкономия как вызов новому экономическому порядку.

Политэкономия формирования институтов.

Политэкономия государства, законодательства и правительства.

Теория поведения бюрократии.

Социальная политика и ее политэкономические основы.

Государственный бюджет, политэкономия бюджетного дефицита и профицита.

Теория общественного выбора.

Политическая экономия бедности и нищеты.

Политэкономия праздного класса.

Международная политэкономия.

Политэкономия капитала.

Финансовый капитал и ТНК: политэкономические оценки.

Политическая экономия реформ.

Предметная определенность теории государственного управления.

Институциональное планирование: теория и опыт практики.

Политический процесс как объект теоретического осмысления.

Общественная и природная экономика: разрешимо ли противоречие?

Политэкономия социально-экономического развития.

Политэкономия терроризма и катастроф.

Историко-логические закономерности эволюции политэкономии.

Формально–логические и математические аспекты политэкономии.

Это, скажем так, неполный перечень сформулированных проблем, которые, на наш взгляд, нуждаются в обсуждении и решении. Если кому-то покажется, что понятие «политэкономия» пристегнута только для проформы, а все это можно решить через чисто экономический контекст или социальный, то это глубокое заблуждение. Для устранения возможного дефекта непонимания следует обратиться к авторской позиции, изложенной выше (пункт 1) относительно решения тех проблем, которые были блестяще решены классической политэкономией. Сегодня многие из них на новом витке истории

обострили свое проявление. Например, так кто же и что является источником «богатства народов» и каковы силы, показатели социально-экономического развития? Может кто-то назовет основной экономической закон распределения в современной экономике? А поскольку институты не просто «имеют значение», а выступают исходным консолидирующим ресурсом с современных условиях, то вполне объяснимо применение при формулировке некоторых важных вопросов категории «институт». Дело в том, что на период становления политэкономии и ее классического этапа, понятие института в большей степени ассоциировалось с понятием государства. В мудрости державного государственного управления (не знания, не теории) контекст наследственности доминировал над знанием и тем более профессией. Возник даже тип власти – «просвещенная монархия». А что значит «просвещенный монарх» и кто его учит? Во имя чего и кого?

Ответ на вопрос №4. Современный общий (!) кризис мирового хозяйства глобального капитала – это кризис парадигмы самого капитала не только в практике, но и в теории. Мягко скажем, в нем больше сознательного и планируемого, нежели стихийного, но мало осмысленного и тем более доступного знания для широкой публики. Ограничен не только доступ к материальным и финансовым ресурсам, но и доступ к информации. «Экономикс» утверждает, ваш предельный доход равен вашим предельным издержкам, поэтому все справедливо и экономически обоснованно. Но, видимо, это и многое другое побудило Т. Пикетти написать свой труд «Капитал в 21 веке», где явно зафиксировано нарушение не только этой формулы, но и нарушение распределения и динамики собственности.

Мир-экономика сегодня представляет собой многоукладную систему, в которой взаимодействуют простое товарное производство, малый, средний и крупный фирм-аутсайдеров, монополии, банковские монополии, финансовый капитал, ТНК. Эту сложную для изучения и для эффективного управления пирамиду «возглавлял» до настоящего времени глобальный капитал, который и задавал правила, нормы поведения всей системы мир-системы, ее циклы и траекторию. Сегодня эта сложная пирамида серьезно закачалась, в том числе и под влиянием кризиса. Какая следующая ступень? Эта тема отдельного непростого анализа и разговора для экономической науки.

Рентная мотивация – это один из первых признаков современного глобального капитала, а *глобальная рента* является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и изъятия достаточно сложен и мало изучен. Сегодня это *главное противоречие этапа глобального капитала*. Современный кризис высветил, что национальные рынки и не только финансовые, но и товарные, рынок физических активов капитала и труда,

рынок идей и пр. утратили свое состояние *устойчивости* и формирования *тенденции развития*, а также сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, выработанные еще А. Смитом. По сути, это было главное завоевание капитала, которое обеспечивало стимулы для снижения затрат, повышения эффективности и, и, таким образом, формировало условия *для развития*. А сегодня это *основное противоречие* этапа глобального капитала. Подчеркнем, что речь идет не о правах собственности, о чем обычно говорят. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы – обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но никак не координируются с законами экономическими – произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. А в результате, как пишет тот же Нобелевский лауреат П. Кругман, начинаешь ощущать, что словно отменили закон всемирного тяготения. И ловкие юнцы из колледжа в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия⁷.

Реально названное противоречие выразилось в том, что молниеносно преобразуясь и концентрируясь благодаря информационным технологиям, «новый» фиктивный капитал спровоцировал или, что называется, *создал ситуацию 2008 года, которую тоже назвали кризисом*. И действительно, некоторые критерии реальной ситуации вполне соответствовали понятию «кризис». Особенно это относится к падению котировок известных компаний «старого капитала» тяжелых активов, которые составляют надежный остов реальной экономики, но которые уступили свое право оценивать силу и цену своего бизнеса. Это фундаментальный парадокс практики глобального капитала, но еще больший парадокс того, что такая практика признается *рациональной*, хотя иррациональность движения фондового рынка очевидна. А поскольку, таким образом, падение курса акций известных компаний автоматически поставила последних перед кредиторами в разряд должников из-за снижения или даже простого «обнуления» экономического обеспечения

⁷ Кругман П. Великая ложь / П. Кругман. – М., 2004. – С. 55.

кредитов в банках, то, как бы (?..), вполне естественным выглядит передача акций за символическую плату тем, кто владеет на текущий период ликвидным материалом, т.е. банкам или финансовым компаниям.

Если сказать еще проще, то современный капитал реализует свое устремление к максимизации ренты (не прибыли (!) не за счет производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития транзакционного сектора в целом. Для этого же создал *особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений*, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. То есть ни к кому. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансово-денежного капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а *предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки* и другие негативные последствия. Глобалистская экономика, которую представляют нам в качестве панацеи, знает один единственный критерий – «деньги». У нее есть один культ – «деньги». Но она лишена каких-либо этических соображений, которые были когда-то у Смита, Маркса, Кейнса, Веблена, Леонтьева. Поэтому она, глобалистская экономика сама себя разрушает. Представляется, современный мировой экономический кризис вполне своими результатами и последствиями, в том числе и военного характера, доказывает разрушение глобального капитала, чем создает предпосылки перехода на новое качество – *метакапитала*, соединяющего многие черты прошлого, сложного настоящего и, безусловно, неизвестного будущего. Такой категорией, которая фокусирует на абстрактном уровне такой срез, на наш взгляд, является категория «институциональной ценности». Последняя фиксирует в себе стоимость, как фундаментальную категорию товарно-капиталистического производства, и новые аспекты хозяйственно-экономических отношений глобального капитала⁸.

Уже не один кризис, в том числе и идеологический, был преодолен тем или иным способом западным обществом. Но это были кризисы локального характера, когда не требовалось смены фундаментальных основ общества как целостной и сложной системы, испытывающей уже на протяжении нескольких последних десятилетий серьезные «перегрузки», проявления которых крайне

⁸ Лемещенко П. С. От стоимости к институциональной ценности / П. С. Лемещенко: – Сб. научн. статей. – Мн.: БНТУ, 2013. – Вып. 1. – С. 46-67.

различны. Сегодня экономисты, кроме уже известных и признанных «внешних эффектов» рынка, занимаются составной частью институциональной ценности - *категорией транзакционных издержек. Это очень важное отражение одного из проявлений «перегрузок» этой общественно-экономической системы. Самый общий вывод, который можно пока сделать из теории транзакционных издержек, состоит в том, что разделение труда и обменные операции, на которых основывается хозяйственная деятельность в рыночной модели, приводят к огромным нерациональным с точки зрения общественно полезного эффекта затратам.* Но, думается, что проблема транзакционных издержек для более плодотворных и конкретных выводов нуждается прежде всего в смене методологии и подходов к ее позитивному разрешению. «И рынки, и правительство, — пишет Дж. Бьюкенен, — терпят провалы, и нет никакой благосклонной «мудрости». Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две «великие альтернативы», «laissez-faire» и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения»⁹.

Ответ на вопрос №5. Динамика интеграционных процессов, формирование международных институтов сегодня обгоняет их осмысление и тем более теория не обобщает результаты деятельности мир-системы. Последняя – это система разрешений и распределений: властных функций, ресурсов, рынков, формирования предпочтений, методологии и методик цен, советов по налогам и пр.

Политика выбора этой мир-системы и национальных государств требует научного *осмысления* не только истории, но и практики, которая является следствием тенденций и экономических законов. Эффект исторической обусловленности – один из политэкономических законов. Какова это была позиция, как она закладывалась, реализовывалась, как она будет трансформироваться в будущем – дело очень непростое и не может быть познано без научного освоения. И вот как раз последнее, т.е. исследование «самых исследований», что входит в *предмет метатеории*, требует самой серьезной проработки. Преодоление кризиса возможно только преодолением заблуждений и преодолением теоретического кризиса. «В нынешних обстоятельствах нет ничего более важного для каждого мыслящего человека, чем экономическая наука. На карту поставлены его собственная судьба и судьба его детей. ... Экономическое знание представляет собой существенный элемент в структуре человеческой цивилизации; оно является фундаментом, на котором стоят современный индустриализм, а также все нравственные, интеллектуальные, технологические и терапевтические достижения последних

⁹ Бьюкенен Дж. Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды: пер. с англ. / Дж. Бьюкенен. – М., 1997. – С. 430.

столетий. Оно оставляет на усмотрение людей, воспользуются ли они должным образом богатством этого знания или оставят его неиспользованным. Но если им не удастся извлечь из него выгоду и они пренебрегут его учениями и предупреждениями, то они не только аннулируют экономику; они истребят наше общество и род людской»¹⁰. Сегодня идеология, основанная на методе хаоса и здравого смысла, является, пожалуй, самой разрушительной для экономики и общества в целом. Ньютону удалось сконструировать свои известные законы физики благодаря некоторой четкости религиозного учения, идеи о сотворении мира. Современные экономисты ушли от проблемы сотворения мира, отстранились от нравственно-этических норм поведения людей, не воспринимают в выборе своих теоретических конструкций историко-социального контекста и духовного мира общества. В итоге аналитический инструментарий, построенный на жестко детерминированной и утилитарной экономической рациональности, при всей своей кажущейся стройности, строгости и последовательности просто не имеет практического смысла. Ведь любое начинание и любая реформа начинаются с критики прежней хозяйственной системы, безусловно, имеющей некую идеальную картину, и генерирования, выработки новой идеи, приобретающей при дальнейшей научной разработке парадигмальное выражение и теоретическое завершение. В этом смысле выработка новой идеологии современной реформы представляет собой, прежде всего, научную проблему по выработке новой парадигмы и, следовательно, новой или видоизмененной экономической доктрины. Так было, например, во времена промышленной революции, так было в период Великой депрессии, так было в эпоху влияния монетаризма и такова же задача стоит сейчас. Но надо понимать, что и наука политэкономия творится людьми, которые сотканы из плоти и сознания, которым ничего не чуждо. Поэтому истина всегда будет кому-то неужодна и в лучшем случае мифологизирована. Бывает и более жесткое отношение к тем, которые пытаются пролить свет на действительность. Например, первый политэконом А. Монкретьен сьер де Ваттевиль как дворянин погиб на дуэли из-за мужских амбиций и легкомысленного поведения. Однако, такой конец был для мятежника даже удачей, потому что, будь он захвачен живым, не миновать бы ему пыток и позорной казни. Тело его по приговору суда было подвергнуто поруганию: кости раздроблены железом, труп сожжен и пепел развеян по ветру. Монкретьен был одним из руководителей восстания французских протестантов (гугенотов) против короля и католической церкви. «Трактат» был предан забвению, а имя Монкретьена смешано с грязью. Монкретьена честили разбойником с большой дороги, фальшивомонетчиком, низким

¹⁰ Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М., 2000. – С. 824, 830.

корыстолюбцем, который якобы перешел в протестантскую религию только ради того, чтобы жениться на богатой вдове-гугенотке. Прошло почти 300 лет, прежде чем доброе имя Монкретьена было восстановлено, а почетное место в истории экономической и политической мысли прочно закреплено за ним. А в чем же его грех?

Участие в одном из гугенотских мятежей, которые были в известной мере формой классовой борьбы бесправной французской буржуазии против феодально-абсолютистского строя. Четырехлетнее пребывание в Англии Монкретьена сыграло в его жизни такую же роль, как через несколько десятилетий в жизни У. Петти — пребывание в Голландии: он увидел страну с более развитым хозяйством и более развитыми буржуазными отношениями. Ум Монкретьена начинает живо интересоваться торговлей, ремеслами, экономической политикой. Глядя на английские порядки, он мысленно примеряет их к Франции. Возможно, для его дальнейшей судьбы имело значение то обстоятельство, что в Англии он встретил много французских эмигрантов-гугенотов. Большинство из них были искусные ремесленники. Монкретьен увидел, что их труд и мастерство принесли Англии немалую выгоду, а Франция, понудив их к эмиграции, понесла большую потерю. Таким образом, во Францию Монкретьен уже вернулся убежденным сторонником развития национальной промышленности и торговли, защитником интересов *третьего сословия*. Свои новые идеи он начал осуществлять на практике. Женившись на богатой вдове, он основал мастерскую скобяного товара и стал сбывать свой товар в Париже, где у него был свой склад. Несмотря на громкое название, он написал сугубо практическое сочинение — «Трактат», в котором пытался убедить правительство в необходимости всестороннего покровительства французским промышленникам и купцам. Монкретьен выступает за таможенный протекционизм — высокие пошлины на иностранные товары, чтобы их ввоз не мешал национальному производству.

За что и за кого сегодня выступают наши и зарубежные экономисты? Думается, первые уже в большинстве своем потеряли политэкономическую парадигму даже на интуитивном уровне. Об этом свидетельствует исключительная редкость работ по фундаментальным проблемам развития. Собственно, на эти работы нет и социального заказа, потому что наши политики, если понаблюдать на их поведение, как бы родились мудрецами. Зарубежные же экономисты очень различны по своему составу и теоретической направленности. Вспомним оценку того У. Баумоля, который дал оценку западной экономической мысли за сто лет после А. Маршалла — это работы частного порядка на второстепенную тематику. Но мэйнстрим потому и основное течение, что формирует «стиль научного мышления». Те, которые не

понимают его и не признают из-за того, что он не отражает реальности, не печатаются в «назначенных» журналах, будут в лучшем случае обойдены вниманием. «Науку часто сравнивают с поиском истины, где истина – нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но я рассматриваю науку, – пишет Р. Ауманн, – больше как поиск понимания, где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей – между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями»¹¹. Но, как отмечал еще один нобелевский лауреат Р. Шиллер, выбирая себе направление исследования, экономисты поддаются стадному чувству, и тот, кто не прельстится общими темами, может многое выиграть. Этот выигрыш будет иметь эффект общественного блага, поскольку должен дать прирост знания, которого сегодня так не хватает и которое есть не менее ограниченный ресурс, чем, например, нефть, газ и пр.

Ответ на вопрос №6. Есть острые проблемы, была реакция на них четыреста лет тому назад, что обусловило и развитие политэкономии и, естественно, реальной хозяйственной системы. Возникли на новом витке новые проблемы, обострились противоречия, разрушительная сила которых значительно усилилась. Но одновременно активизировались и умы, которые пытаются расщепить возникающие вопросы в политэкономическом фокусе. Последний высвечивает не только универсальные законы и закономерности эволюции системы отношений мир-экономики и национальных хозяйственных единиц, но и позволяет зафиксировать в них общее и особенное не только в структуре отношений, но в хозяйственных формах, к которым сегодня обращаются представители институциональной теории. Но институциональная и эволюционная теории не могут заменить политэкономическое знание. Какие бы ни были глубокие разработки, например, частных теорий физики, но общая физика со своим предметом и гносеологическими функциями осталась. Так и политическая экономия – она осталась и останется в будущем, поскольку есть для нее старые и новые нерешенные другими частными науками предметные поля.

Но все-таки нельзя не заметить две серьезные проблемы. Первая – обусловлена тем, что политэкономия охватывает своим предметом определенную среду или систему человеческих отношений, проявляющихся как межсубъектные, внутрифирменные, социально-классовые, внутригосударственные, межгосударственные и т.д. Поэтому добываемое из всей информационной «породы» новое политэкономическое знание будет

¹¹ Ауманн Р. О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта: пер. с англ., 2-е изд. М., 2010. – С. 454.

иметь двойственную оценку: от правды до вымысла и мифа. Королям, которые когда-то сподвигли возникновение политэкономии, тоже не всегда необходима правда о жизни, равно как и то, что эта правда станет достоянием их королевства. К тому же захватившие умы средства массовой информации приобрели статус новой собственности, нового ресурса, научившегося умело манипулировать правдой и вымыслом. Обособившийся от науки и частично от политического процесса, но зависимый от источника финансирования, институт экономической науки, к сожалению, ушел от поиска истины. Наука должна быть полезной, а не стремиться к истине, которой, как считают некоторые экономисты, нет. Вторая проблема обусловлена кадрами, которые могут работать на трудном, вредном и опасном политэкономическом поле. Сегодня только благодаря энтузиастам исследуются и озвучиваются крайне неудобные вопросы, как для капитала, так и для политики и политиков.

Политэкономия, пожалуй, единственная наука, которая оказалась сегодня за «бортом» своего освоения и развития на новой основе и даже исключена из научных классификаторов, учебных планов, программ вузов. Но дело не только в этом. Дело в том, что устранение политэкономических научных и образовательных традиций лишило политика, хозяйственника, индивида основы рационального, адекватного изменяющейся практике мышления, т.е. методологии, способу, методам и инструментам получения знания. Бормотание «спрос - предложение!» или «планирование и контроль!» не могут ответить на вопрос, например, а в чем все-таки суть кризиса и почему растут цены. В нашей современной ситуации такого «общепринятого», хотя и не осмысленного и тем более нерационального бормотания с разных сторон о рыночном равновесии, свободной модернизации и либерализации, к сожалению, можно услышать довольно много. Итог относительно рыночных преобразований и модернизации можно посмотреть как по статистическим справочникам, так и по окружающим явлениям. Он пока не может впечатлять ни по результатам молодых реформирующихся стран, ни по миру в целом. Общий мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году убедительно подтвердил, что сложившаяся западная политико-экономическая модель нуждается в серьезной реконструкции, а ее теоретическая основа – экономическая теория с неоклассической методологией в принципиальной парадигмальной замене.

Определение же верной «формулы» экономической идеологии, т.е. теории, в которой идея первична, в современных условиях является крайне важной теоретической и практической проблемой, замыкающей различные стороны человеческой деятельности, включая отношения собственности, на неформальном и формальном уровне, обеспечивающей повышение конкурентоспособности экономик, социально-экономического *развития и*

роста, их источниками, факторами и условиями. В частности институциональная среда может, как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования *социального капитала*, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано, прежде всего, с *институциональными изменениями*, имеющих дискретную траекторию эволюции и, в свою очередь, сопровождаются неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода *трансформационной ренты*. Изменение величины издержек и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий. Также, как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой *предел положительной отдачи от своего функционирования*, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно заниматься *институциональным планированием и проектированием*, выявляя *историческую обусловленность и предпочтения* стран в возможном выборе своих правил и норм координации, определяя путь и механизмы закрепления неформальных отношений в формальные эффективно действующими институтами. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *общественных органов*, чтобы исключить присвоение трансформационной ренты государством или частными лицами. Собственно, выше названные проблемы можно обобщить как *политэкономия институтов*. Критерием смены одних институтов на другие выступает соотношение затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций. *Переходные институты* в эпоху системных трансформаций играют роль общественно-экономических *стабилизаторов*, а посему должны занять в экономической политике особую значимость.

Таким образом, при всем притом, что в настоящее время экономическая наука утратила свою эвристическую объективность, все же хаотичная реальность и неопределенность рано или поздно заставляет теорию выстраивать свои заключения в соответствии с требованиями жизни, т.е. экономическими законами и социальными требованиями. Тенденции таковы, что справедливость представляет главную основу общественного устройства. И если она нарушается, то это представляемое человеческим сообществом здание, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рухнет и обращается в прах. О таком крахе современной экономической цивилизации могут напоминать слишком многие факты из практики. Книги Т. Пикетти «Капитал в 21 веке» и двухтомник профессоров МГУ им. Ломоносова

А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» помогут эти факты актуализировать, систематизировать и обобщить.

Политэкономия в процессе своей эволюции прошла ряд этапов, модифицируя свою парадигму и методологический аппарат, инструментарий. Есть разные названия, которые сегодня предлагаются для этой научной дисциплины: геоэкономика, глобальная политэкономия, социномика, неополитэкономия и т.д. В нашей версии она получает название – *«теоретическая экономика»*. Последняя фиксирует другой уровень развития политической экономики, как интегральной идеальной конструкции, отражающей широкий, но обобщающий спектр современных технологических, правовых, социально-экономических процессов, нравственно-этических и культурологических тенденций. В ней стоимость и ценность, как базовые категории классической политэкономии и неоклассической теории, интегрируются в категорию *«институциональная ценность»*. Именно последняя, как нам видится, является тем *общественным нормативом*, подобный стоимости или ценности, который уже регламентирует поведение людей в «новой экономике». И затем, если быть до конца последовательным, то сам факт признания «новой экономики», которая сегодня же охватывает около 75% занятых, подводит к необходимости признания возникновения новой науки об этой сфере деятельности, принципиально изменившей всю современную хозяйственную систему.

Экономическая наука в широком смысле слова многогранна, как разнообразен хозяйственный мир. В фундаментальной своей части она фиксирует тот набор элементов, связей, отношений, который образуют хотя и общую относительно устойчивую систему, воспроизводящую уровень освоения человеком природной среды, технико-технологического развития, степень психо-биологической и социально-экономической самоидентификации индивида, формы и параметры его защиты. Приведем рисунок, отражающий тенденцию эволюции политэкономии и ее результат (см. ниже).

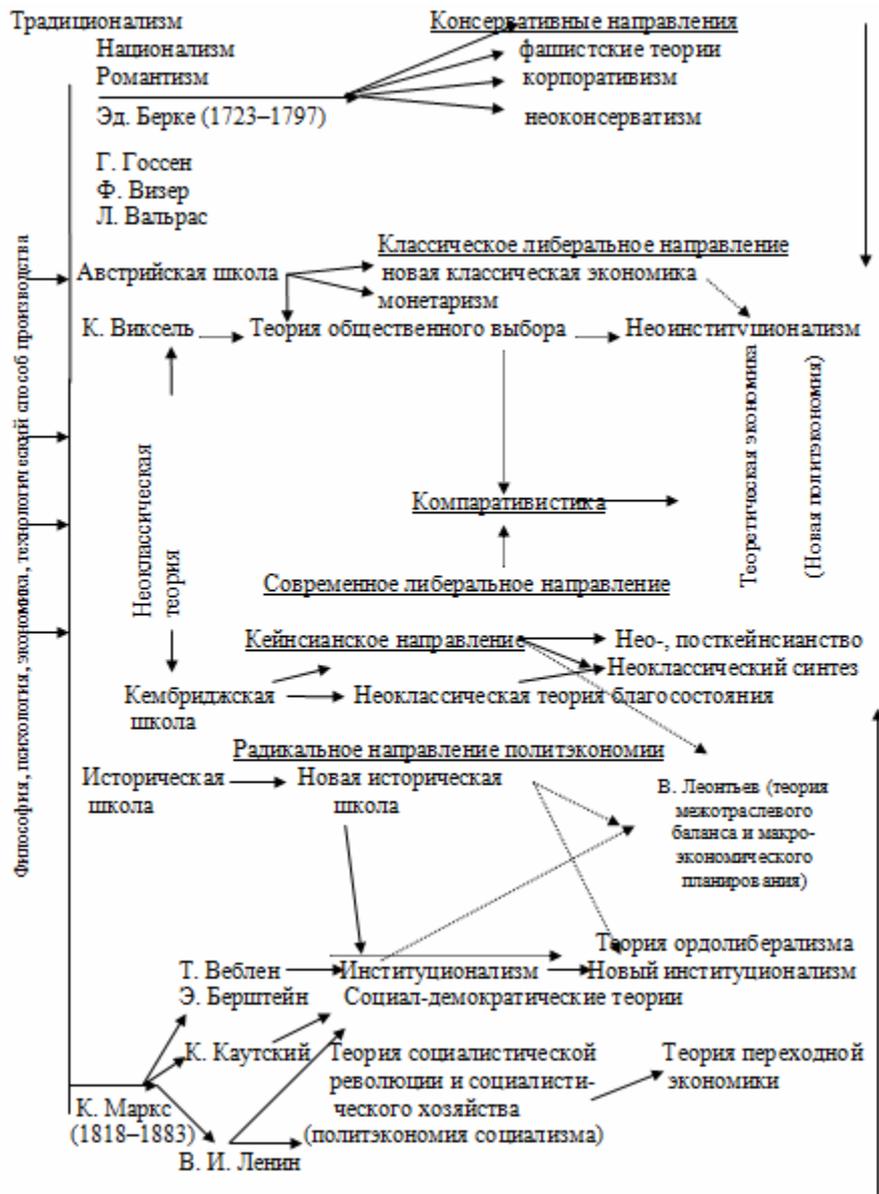

Рис. 1. Основные направления развития и тенденции современной теории экономики

Таким образом, *теоретическая экономика (новая политэкономия)* – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы¹². Этим, не претендующим на всю полноту отражения изменений в

¹² Для сравнения приведем некоторые другие определения экономической науки и ее предмета. «Определить законы, которые управляют... распределением – главная задача политической экономии» (Риккардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Риккардо. - М., 1955. – С.30); «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей деятельности. Но предметом ее исследования является главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» (Маршалл А. Принципы

современной экономике, определением делается попытка, во-первых, зафиксировать естественное и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционировала в количественном и качественном направлениях. Во-вторых, хозяйственный мир¹³ – это сложный, но все же целостный мир, который требует такого же целостного к себе подхода и анализа.

Институциональное теоретическое основание закладывает не только начала такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется историко-практическая деятельность¹⁴. Определяя экономическую науку (экономикс, экономическую теорию) через ограниченные ресурсы и конкурирующие цели, мы заранее ограничиваем себя в ответе на вопрос: почему разные страны, располагающие примерно равными, а может и большими ресурсами, имеют принципиально разные результаты в социально-экономическом прогрессе. В-третьих, обращение к теоретической экономике как естественному этапу научного развития обнаруживает *синтез* сущностного эзотерического подхода с феноменалистским экзотерическим. И снова, как во времена классической политэкономии, исследовательская аксиоматика закладывается на сущностным уровне, отражающем связь человека с природой, имеющимся технологиями, мировым сообществом. В-четвертых, теоретическая экономика ставит задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) в зависимости от конкретных целей явно или имплицитно проводить многоуровневый «срез» общественно-экономической системы, относясь к последней как к действительно реальной, а не абстрактной системе. Точкой отсчета в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной мировой эпохи с ее

экономической науки / А. Маршалл. – М., 1993. – Т.1. – С.69); «Предмет политической экономии составляют общие законы производства и распределения» (Пезенти А. Очерки политической экономии / А. Пезенти. - М., 1976. – Т.1. – С.93); «Экономическая теория [такую дефиницию получила наука «экономика» после русского перевода] есть наука об использовании производительных ресурсов для производства различных товаров... и распределения их между членами общества в целях потребления» (Самуэльсон П. Экономика / П. Самуэльсон. – М., 1964. – С.25); «Наука должна дать точное определение отдельных, частных хозяйственных порядков и показать, каким образом происходит их соединение в рамках общего порядка» (Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – М., 1996. – С.79-80); «Экономика как общественная наука изучает поведение индивидов и институтов, занимающихся производством, обменом и потреблением товаров и услуг (Макконнелл К.Р. Экономикс / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – М., 1992. – Т.1. – С.21); «Политическая экономия есть общественная наука, изучающая хозяйственную деятельность народов, или, еще короче – политэкономия есть наука о народном хозяйстве» (Чупров А.И. Курс политической экономии / А.И. Чупров. – М., 1914. – С. 16).

¹³ Категория «хозяйство» значительно шире категории «экономика», поскольку отражает, во-первых, сферы деятельности, прямо не попадающие в денежное измерение, а, во-вторых, конкретизирует формы, порядки, в которых проявляется экономическая реальность.

¹⁴ В. Ойкен употребляет категории «порядок», «хозяйственная конституция», а Дж. Бьюкенен ориентирует в своих исследованиях на раскрытие «конституции экономической политики».

тенденциями развития. Для чисто экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов, влияющих на спрос и предложение, на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Вспомним учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде, организационном факторе А. Маршалла или эффективном спросе Дж. Кейнса. Скажем так, теоретическая экономика должна сконструировать через адекватную систему категорий современную «хозяйственную конституцию», в структуре которой, так или иначе, занимают соответствующие места национальные государства с их системами хозяйствования. Некоторый парадокс заметен в том, что сами национальные государства, создавая определенные наднациональные рамки, сегодня уже вынуждены их закладывать в своей политико-экономической стратегии. Более частные же теории, например, политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, дополняют общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования.

В-пятых, теоретическая экономика не стоит ни в начале изучения реальной действительности, ни в конце, как это думают эмпирики, ни рядом. Она расположена в центре процесса познания, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения научного опыта. Иначе говоря, теория без фактов может быть пустой, однако факты без теории просто бессмысленны. В разработке научной хозяйственной картины мира важная роль отводится исходным определениям. Они обобщают результаты определенного анализа, синтезируют частные стороны явления и тем самым «позволяют» работать с этими явлениями, но уже на другом, более глубоком уровне познания действительности. Это четвертый уровень рациональности.

Хотелось бы «развести» понятия «теоретическая экономика» и «экономическая теория». Теоретическая экономика воспроизводит на современном уровне развития науки в целом тот подход к человеку, природе, обществу, которые *в свое время* выполняла классическая политэкономия. Экономическая теория, если использовать не самый лучший, но самый распространенный перевод, выступила следствием научного обеспечения частных задач практики функционирования рыночной экономики. Априори многие социокультурные постулаты принимаются как аксиомы. Вычленяется из всей гуманитарной составляющей человека лишь его утилитарная направленность, которая якобы лежит в основе его мотивации и поведения в условиях ограниченных ресурсов. Если Л. Мизес назвал эту отрасль науки каталлактикой – наукой об обмене, то многие другие авторы отмечают, что

«экономикс» из всей воспроизводственной системы в своем анализе обращается лишь к фазе обмена. Отсюда выводятся спрос и предложение, цена, понятие равновесия и пр.¹⁵. «Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры, – пишет Л. Мизес. – Теорию каталлактики необходимо выстроить на твердом фундаменте человеческой деятельности»¹⁶. Зададим себе пока вопрос, а что нам известно о фундаменте (!?) современной человеческой деятельности? Разве спрос и предложение являются основными фундаментальными характеристиками экономической составляющей человеческой деятельности? Поэтому вперед к политической экономии, к которой подталкивает сама жизнь, которая, как оказалось, по своей остроте, интригам и даже трагедии не уступает временам А. Монкретьена.

В. Т. РЯЗАНОВ,
доктор економічних наук, професор,
завідувач кафедри економічної теорії
Санкт-Петербурзького державного університету

Ответ на вопрос №1. Он был непростой и с неодинаковыми результатами. Особенно впечатляющим было рождение классической политической экономии. Хорошо известно, что само появление политической экономии исторически свидетельствовало о рождении новой общественной науки. Характерно, что на начальном этапе само ее название было тождественно понятию «экономическая теория», а в широком плане – и экономической науке как таковой. Классическая политэкономия на протяжении почти всего XIX века была научным лидером, выступая в тот период своеобразным «теоретическим мейнстримом». И такую лидирующую роль выполняла, поскольку, убедительно критикуя уходящий феодализм, предлагала достаточно точную и объемную характеристику преимуществ развивающегося капитализма.

Возникнув в условиях промышленного переворота, приведшего к рождению раннего капитализма, она затем превратилась в неоклассику на этапе его окончательной победы и достижения зрелой формы индустриально-

¹⁵ Надо заметить, что у В. Леонтьева применяется другой подход (input-output) как к равновесию, так и в целом к воспроизводственному процессу.

¹⁶ Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М., 2000. – С.10.

рыночного капитализма. Поэтому в одном случае требовался достаточно точный и обоснованный анализ сущностных основ и причинно-следственных связей в объяснении причин возникновения и природы капиталистического рыночного хозяйства, в другом – особое значение приобретала прагматичность, нацеленная на соединение теории с практикой, что и обеспечивалось приоритетностью изучения особенностей его функциональных зависимостей. Исследование оснований капиталистического хозяйства было заменено описанием самого его устройства и функций в расчете на обнаружение способов достижения наивысшей эффективности производства (фактически, прибыльности) при ограниченных ресурсах. К тому же выдвижение неоклассики на ведущую позицию в академической науке подкреплено было достижением господства самого экономического подхода в деятельности общества и утверждением норм рационального поведения в массовом сознании населения стран победившего капитализма.

Ответ на вопрос №2. В мировой экономической науке сама политэкономическая школа, потеряв ведущую роль, не исчезла и продолжает достаточно плодотворно развиваться по самым разным направлениям (например, радикальная политэкономия, постмарксизм, гетеродоксальная экономическая теория и др.). Она институционализована в академическом сообществе, имеет свои международные организации и периодические издания.

Что же касается постсоциалистического мира, то одним из результатов краха социализма стала предпринятая попытка «закрыть» политическую экономию в марксистской версии как науку, относя ее к области сугубо идеологии. В итоге произошло почти полное сворачивание преподавания соответствующих учебных курсов в университетах и институтах, резко сократилась исследовательская работа в этом направлении, кафедры сменили свое название и даже можно говорить о вытеснении самого понятия «политическая экономия» из научного и учебного арсенала. Сегодня предстоит преодолеть «детскую болезнь» отрицания прошлых издержек и вернуть политическую экономию в систему экономических школ.

Ответ на вопрос №3. Необходимо обозначить достаточно четко ее предмет, проблемное поле и методологическое ядро с учетом современного развития капиталистической системы хозяйства и новых глобальных вызовов. Это важно для того, чтобы само политэкономическое знание приобрело определенную целостность и единство, закрепилось в ранге научной школы и учебной дисциплины с разработкой и продвижением соответствующих учебников. Современная политическая экономия может восстановить свой авторитет, если ее последователи смогут выработать и консолидировать свои

методологические позиции, сохраняя все неизбежное многообразие взглядов и оценок по самым разным вопросам теории и практики.

Главное – это обозначить то, что определяет современный облик политэкономии, чем она принципиально отличается от других научных школ и как она объясняет реальные тенденции и перспективы развития. И еще не менее важно обратить внимание на улучшение аналитического аппарата, обогащая его исследовательскими практиками других научных школ, особенно близких по своему духу и направленности (к примеру, институциональной экономики, кейнсианства и посткейнсианства).

Ответ на вопрос №4. Сегодня требуется политическая экономия XXI века, опирающаяся на исторические традиции, одновременно воспринимающая все то полезное, что накоплено в экономической науке, и открытая для диалога, а потому и способная дать ответ на современные вызовы. Примером расширения проблемного поля современной политической экономии как альтернативы неоклассики, должно стать включение в ее состав как всеобщих, так и особенных форм проявления экономической деятельности. И это становится ее важным преимуществом, позволяя уйти от чрезмерной отвлеченности от реальной экономики, что полезно для хозяйственной практики стран, проводящих реформы. Отсюда особое внимание к анализу проблем глобализации и необходимости сохранения многовариантности общественно-хозяйственного устройства национальных экономик и альтернативности развития. Социальная проблематика, экологические ограничения – также должны быть представлены в расширенной версии проблемного поля современной политэкономии.

Ответ на вопрос №5. Потребность в развитии школы политической экономии, бесспорна, имеется, что особенно подтверждается произошедшим мировым кризисом 2008-2009 гг. с трудностями выхода из него, а также нарастанием кризиса в самой неоклассицизме. Ведь кризисные процессы в неоклассической школе приобрели особую остроту, поскольку ее потенциал отстал от произошедших фундаментальных изменений в самой экономике, что привело ее к неспособности выработать точные и достоверные оценки, не говоря уже о прогнозах. Коренным недостатком современного теоретического мейнстрима как примера «чистой теории» стали усиливающаяся отстраненность от живой хозяйственной практики в угоду формализации и теоретического знания, запаздывание в изучении новых проблем, растущий догматизм. И в этом направлении должен произойти разворот экономической науки в сторону изучения реальной экономики, а не абстрактных экономических моделей.

Одним словом, требуется смена парадигмы в экономической методологии в направлении формирования *«качественной методологии»*, опирающейся на междисциплинарный подход. В этом случае политэкономия восстановит свою роль фундаментальной науки в системе экономического знания. Такая переориентация в экономических исследованиях не означает вообще отказа от использования количественных параметров и формализованных моделей, которые остаются в арсенале экономистов, поскольку хозяйственные процессы в полной мере не понять вне количественного измерения. Она, скорее, нацелена на более пристальное внимание к новым средствам познания, хорошо освоенным, к примеру, в антропологических исследованиях, таким как изучение реального поведения людей на основе непосредственных контактов с ними, беседы-интервью, анализ экономических институтов и хозяйственных инструментов (своеобразных артефактов), герменевтический анализ экономических текстов и т.д.

Ответ на вопрос №6. В условиях современных кризисных процессов потребность в выдвижении альтернативных научных парадигм усиливается и этим открывает новое «окно возможностей» для политической экономии. Важно им результативно воспользоваться. Более конкретно речь идет об укреплении аналитически-критической функции политэкономической школы, что нацеливает ее на защиту социальных, гуманистических, экологических приоритетов в общественно-экономическом развитии. В науке всегда должна присутствовать критическая часть. Поэтому современная роль политической экономии заключается в том, чтобы она выступала как независимое от обслуживания власти и идеологии крыло в науке, дающее критические и альтернативные оценки и свободное от идеологических штампов и догм.

Такой подход не исключает необходимости активного включения политэкономов со своим проектом в борьбу идей за видение развития экономики в будущем. Ей есть что сказать и предложить. Тем более, что в условиях нарастания потребности в осуществлении действительного перехода к «новой экономике» политическая экономия получит шанс для укрепления своей позиции.